УТРАТА

«На память о пережитых страхах»

28 мая похоронили одного из последних кинорежиссеров военного поколения — Петра Тодоровского.

Война многое сформировала в нем, хотя в силу возраста 18-летний Тодоровский только в 1943-м попал в курсанты Саратовского пехотного училища, а на фронте — уже лейтенантом — и вовсе оказался в 1944-м, когда немцев гнали на запад. Впрочем, «гнали» — это не более чем фигура речи. Как рассказывал сам Тодоровский, «немцы воевали прекрасно и до последнего: мы выходили на Эльбу 7 мая 1945 года ночью — так нам немец голову не давал поднять! Их зенитные установки были поставлены горизонтально, штабеля малокалиберных снарядов и беспрерывная стрельба — всю ночь!». Так что полтора года, проведенные им на передовой, это был немалый срок по тем временам. Неслучайно один из фронтовых друзей накануне демобилизации подписал ему фотографию словами: «Пете Тодоровскому на память о пережитых страхах». «Война — страшная вещь, — скажет потом сам Тодоровский. — Это была жизнь людей в нечеловеческих условиях».

Впрочем, в фильмах Петра Тодоровского собственно войны не было. Единственная снятая им батальная сцена — в его последнем фильме «Риорита», кажется, так и не пробившемся на широкий экран. И тем не менее фильмография о войне без имени этого режиссера невозможна. Потому что помимо своих культовых лирических картин («Любимая женщина механика Гаврилова», «По главной улице с оркестром», «Интердевочка») Тодоровский сумел много снять о жизни военного поколения — о тех, кого, как и его, навсегда «зацепила» война. «Нет, не вычеркнуть войну, / Ведь она для поколенья — / Что-то вроде искупленья / За себя и за страну», — писал об этих людях Давид Самойлов. По фильмам Тодоровского («Верность», «Военно-полевой роман», «Анкор, еще анкор!», «В созвездии Быка») победители запомнятся такими, какими они сами видели друг друга...

Смерть такого мастера — всегда еще один камень, вытащенный из фундамента культуры. Но уход одного из последних режиссеров военного поколения — это еще один шаг к формированию новой памяти о войне.

В последние годы уже возникла целая мода на военное кино, а с учетом последних решений «партии и правительства» о принципах финансирования киноиндустрии эта мода вот-вот перерастет в полноводный государственный мейнстрим. Новые фильмы о войне (чаще всего — телесериалы) снимают правнуки фронтовиков. И чем дальше, тем больше эти молодые режиссеры будут формировать новую — отличную от той, что была сформирована военным поколением, — картину войны.

Картина эта собирается по крупицам. Уже сейчас нынешние пиротехнические эффекты мало напоминают казавшиеся нам настоящими взрывы в «Живых и мертвых» или в «Они сражались за Родину», фильмах, сделанных теми, кто видел войну, — режиссерами, операторами, художниками. Уже в нынешнем военном кино вовсю врут в мелочах: то орден Красной звезды кто-нибудь нацепит на левую сторону груди, то звезду Героя — на правую. Уже сейчас диалоги «фронтовиков» и «фронтовичек» пестрят современным сленгом бывших пэтэушников... И дальше вал будет только нарастать.

АЛЕКСЕЙ АНТОНОВ/«ПРОФИЛЬ»

Петр Тодоровский

Можно сколько угодно брюзжать по этому поводу. Но эти несуразности, режущие глаз тем, кто рос на военных фильмах Станислава Ростоцкого, Григория Чухрая, Сергея Бондарчука, Петра Тодоровского, теперь, кажется, уже неизбежны. Вполне можно представить, что пройдет еще лет пятьдесят (а то и меньше!), и про великую войну снимут очередную разудалую «Гусарскую балладу», которая для многих потомков будет казаться вполне достоверной...

А в памяти самого Тодоровского было много такого, о чем долгое время не принято было рассказывать. «Я видел, как командир корпуса палкой избивал командира полка, — рассказывал он в интервью «Профилю» пять лет назад. — Это уже в Германии было. Не могли взять деревушку: там у немцев был укрепленный плацдарм, и мы положили много людей. И ночью комкорпуса бил комполка и орал на него, что, если он не возьмет эту деревушку к утру, он его под трибунал отдаст. Это тоже — правда о войне...»

Или совсем личное (вспомним его формулу: «Война — жизнь людей в нечеловеческих условиях»). «Я был комендантом немецкого городка на Эльбе. Мне дали задание: искать семьи видных нацистов, которые не успели перебежать к американцам. Нам донесли, что в городе спряталась племянница фельдмаршала Паулюса. Красивая восемнадцатилетняя девка. Я устроил ее официанткой в комендатуру, и на третий день мы стали с ней жить. А потом меня утром застал с ней в постели начальник политотдела корпуса полковник Долгополов. И ее увезли...»

Или это: «На войне никто не хотел умирать. Поэтому, даже будучи патриотически настроенными, мы бежали в атаку, стараясь где-нибудь привалиться, спрятаться за пень, в ямку, оглядеться и потом уже снова бежать. Но перед атакой давали спирт: хлебнул — тут уж море по колено! Когда я попал на войну, мне шел 19-й год — молодняк, выпил, и ничего не страшно! Те, кто был постарше, — 25-летние, 30-летние, те, кому под сорок, — вели себя более осторожно: у них же семьи, дети...» Сам Петр Тодоровский, прожив долгую жизнь, так и остался молодым, очень лиричным и никогда не унывающим человеком. Светлая ему память!

■ ВЛАДИМИР РУДАКОВ